

## Прекрасный образ

# «Молчи, грусть, молчи...»

По ней сходили с ума. Она была звездой экрана, одной из самых первых его звезд. И хотя большинство из нас никогда не видело фильмов с ее участием, имя это известно каждому: Вера Холодная...

## «Миражи»

Посмотрев в свое время «Ради любви», мы решили, что это был фильм о В. Холодной. Но, как утверждают кинокритики, авторы «Ради любви» сделали это отнюдь не потому. Пусть имя, образ Веры Холодной выходит над лентой, но только как символ, как напоминание. Несколько знают историю появления этого фильма.

В 1974 году режиссер Рустам Хамдамов получил постановку на экспериментальном объединении «Мосфильм», руководителем Г. Чухраем. Хамдамов намеревался снять фильм о сценарии Ю. Горенштейна и А. Михалкова-Кончаловского под названием «Нечаянных радостей». Вера Холодная была противотом главной героини, но в сценарии волнико трактовались события последнего периода ее жизни. Съемки проходили во Львове. Отснявшись 40 процентов материала, режиссер был вызван с отчетом в Москву. Руководство Госкино, посмотрев материал (голосовой, ни на что не похожий, снятый в форме немого кино), немедленно отстранило Хамдамова от постановки. Фильм заново переснял Никита Михалков. Он сохранил только членительницу главной роли и «Нечаянных радостей» — Елену Соловьеву.

«Ради любви» — Ольге Волганская, как и Вере Холодной, довелось жить в чрезвычайно сложное, трагическое, хрупкое, но и необыкновенно яркое время. Красота едва начавшегося ХХ столетия несла на себе печать кратковременности и обреченности и, погоревши, так тяготела к прихотливости, декоративности, экстравагантности.

Сложившийся в искусстве в конце XIX — начале XX веков новый стиль, который мы чаще всего именуем модерном, утверждал единство стиля, обра зующих принципов всего окружающего человека — от архитектуры явились до деталей kostюма. В искусстве модерна, будь то архитектура, скульптура или наядель декоративно-прикладного характера, доминировала волнообразная линия, что нашло свое отражение и в облике женщин: «На прическе и аксессуарах». На пребывании были из меза, стразового периода тюль, кружева. Платы обычно украшали аппликациями, вышивками, бисером, стеклярусом, стразами, асимметричными драпировками. Особую роль играли ковровые изделия. В брошках, серьгах — те же волнистые изгибы, сплетения линий, характерные в целом для произведения модерна. Значение приобретает не ценность камня и его оправы, а мастерство исполнения изделия. Продолжение отделялось сплошной, kostюм, полудрагоценным камнем, эмалями.

Довершили облик женщины начала века широкополая шляпа, часто украшенная большим недорогим цветком, она торопливо жить. Есть предание о том, что сам Станиславский однажды пригласил В. Холодную в «Художественный театр» на предложение ей роль Кафки в «Горе». Они долго говорили в двух эпизодических ролях. Но осталась незамеченной. «Пренебрегла знаменитой!» — суждено через год. На концерт, где участвовала в концертах любительских спектаклях и матерей своей не могла простить того, что ей не дала покончить блестящую школу.

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выйдет в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо! Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег. С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

рышины низкого звания... Были и серье зи, многообразные роли, такие, как Маша в фильме «Живой труп» по пьесе Л. Толстого, как Варя Северная в драме «Тернистый путь славы». Оба фильма были сняты в 1918 году. В героне второй ленты узнавалась жизненный путь самой исполнительницы. Пусть, решила я, называния фильмов с участием «королевы экрана» станут именами главных моего и наследия.

Сама Вера Васильевна горялась, если снималась, будто своим успехом на экране она обязана прежде всего красоте.

В советский период многое историки кино предпочитали видеть в Холодной только «королеву экрана», тщетно утешаясь называя ее «Россией» и так писали в афиши.

Сама Вера Васильевна горялась, если снималась, будто своим успехом на экране она обязана прежде всего красоте.

Вера Холодная обожала свою дом. В праздничные дни, броская шикарную шляпу, имела обыкновение приговаривать своим рукам: «Оливье, рыбу под майонезом и крошки лобио».

Шляпа Веры Васильевны, как и ее сестра Софья, «делала» по большей части сама, края покусывая какую-нибудь импортную модель».

И присматриваясь любила сама. И шить умела. Очень любила свою семью, дочерей — Женечку и Нину. Но все это, выражаясь высоким слогом, «она положила на алтарь искусства».

В. Холодная много читала, мечтала об исполнении ролей героян в экранизациях «Крейсерской сонаты», «Дамы с камелиями», «Собора Парижской Богоматери», «Мадам Бовари». Читала и разучивала роль. Весь Васильевна обожала грязь, грязные сухари с солью.

Еще она любила музыку, пела, играла на рояле (Глинико и Кацковский были ее кумирами) и в кругу друзей в близких исполнителях романсов. Голос ее был незаинтересованный. Написанный Б. Порозовским роман «Жасмин» был посвящен автором В. Холодной. Она пела этот романс дома и поглядывала, что цветы, деревья и море — самое красивое в этом свете. Но море всегда наводило на Вера Васильевну исполнительскую тоску.

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выйдет в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выйдет в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выйдет в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выйдет в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и посыпал снег.

С этими Вертицким, вероятно, вспомнил, когда в день гастролей в Ростове-на-Дону в номер гостиницы ему прислали телеграмму из Одессы: «Мерилла Вера Холодная...

В 1916 году А. Вертицкий поставил Вере Холодной свою поэму: «Ваш пальцы пахнут ладаном, я в ресницах слез плачу...». Ничего теперь не надо нам. Никого теперь не жаль. И когда Весенний Вестник выходит в синий край, сам Господь по Белой лестнице поведет Вас в светлый рай...

Когда Вертицкий прочел Вере Васильевну текст песни, она замахала руками: «Что вы сделали! Не надо! Не надо!

Не хочу! Чтобы я лежала в гробу! Ни за что!». Она странно разглядывала его: «Это смерть! Снимите сейчас же плащ-шапочку!». Певец даже обнялся и